

КУЛЬТУРНЫЕ РУБЕЖИ РОССИИ

Женские награды в России: опыт исследования по социологии наградного дела

А.Н. МАЛИНКИН

Как известно, существуют особые женские государственные награды. Были они и в России, а именно с 1714 по 1917 и с 1944 по 1995 гг. В статье рассказывается, что это за награды, почему они учреждались только для женщин; раскрывается символический социально-этический смысл государственных женских наград. Обсуждается, предполагало ли разделение государственных наград на мужские и женские дискриминацию по половому признаку, было ли оно следствием мужского шовинизма. Сравнительный анализ женских наград в двух отечественных наградных системах — Российской империи и Советского Союза — позволяет сделать вывод, что прогресс в равноправии полов, достигнутый в наградной системе СССР, обернулся регрессом в социально-этическом содержании ее женских наград по сравнению с преобладающим этосом женских наград Российской империи. Автор называет избранное им направление социологического поиска, лежащее на стыке социологии знания, исторической социологии и фалеристики, социологией наградного дела.

Социология наградного дела

Начало исследованиям по социологии наградного дела положила первая книга П. Сорокина «Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали», вышедшая в 1914 г. и переизданная в 1999 г. [Сорокин 1999]. Исследование молодого Сорокина заложило фундамент изучения награды как социального явления в российской социологической традиции.

Когда П. Сорокин приступил к изучению наградной темы, он столкнулся со странной ситуацией, которая, по его мнению, «может служить любопытной иллюстрацией “курьезов” научной мысли». «Этот курьез, — пишет он, — в данном случае заключается в том, что, в то время как один разряд фактов социальной жизни (преступления — наказания) обратил на себя исключительное внимание научной мысли, — другой разряд фактов, не менее важных и играющих не меньшую социальную роль, почти совершенно игнорируется тою же научной мыслью. Мы говорим “о подвигах и наградах”. Преступления и наказания

служат и служили до сих пор единственным объектом исследования представителей общественных наук и теоретиков уголовного права. Подвиги же и награды — как совершенно равноправная категория, как громадный разряд социальных явлений — огромному большинству юристов и социологов даже и неизвестны. В то время как наука о преступлении и наказании — уголовное право — выросла до громадных размеров и получила характер гипертрофический, наука о подвигах и наградах или, если угодно, — наградное право — даже и не значится в числе научных дисциплин» [Сорокин 1999, с. 117]. Отметим, что если в сфере наградного права с тех пор и произошли какие-то изменения, то в области социологии наградного дела ситуация с 1914 г. не изменилась.

Хотя существует много исторических, в том числе фалеристических, исследований о наградах, публикаций по социологии наградного дела, поднимающих-ся на теоретический уровень, в нашей стране с 1914 г. не было. Наверное, такая ситуация сложилась под влиянием двух основных факторов. Во-первых, в годы советской власти наградная тема по известным политическим и идеологическим причинам была окутана ореолом сакральности. Верхи и их цензура не допускали публичного вскрытия той части механизма функционирования их власти, которая отвечала за награждения. К тому же советский человек по идеологическому определению не должен был проявлять чрезмерного интереса к наградам, а то можно было подумать, что светлое будущее он строит не бескорыстно. Во-вторых, те немногие специалисты по фалеристике, чаще всего историки, которые в последние годы интересуются социологическим аспектом наградного дела, не в состоянии описать его адекватно, так как не владеют социологической терминологией и методологией. Социологи же в большинстве своем не владеют специальным историческим материалом, мало или почти ничего не знают о фалеристике.

Если П. Сорокин предметом своего исследования считал основные формы общественного поведения и морали, то, на наш взгляд, предмет социологии наградного дела — наградная система. Социология наградного дела исследует все многообразие социальных отношений, возникающих в связи с развитием и функционированием наградных систем, а также институты награждения (государственные, общественные, корпоративные, социально-групповые). Социология наградного дела имеет исторический (социологические особенности возникновения, формирования и развития наградных систем), структурно-функциональный (социологические особенности легальной организации наградных систем и реальной практики награждений), национальный (национальные традиции в истории наградного дела и практике награждений) и интернациональный (исследование международных, региональных и глобальных наградных систем) аспекты. Социология наградного дела опирается главным образом на эмпирический архивный материал — законодательные акты, формировавшие наградные системы, статуты наград, наградные акты, статистику награждений, реально-исторические примеры награждений и т. д.

Социология награды — центральная часть социологии наградного дела. Ее предмет — награда как социальный феномен. Она рассматривает сущность награды, ее социальные функции и основные формы. Объем понятия награды чрезвычайно широк. Если опираться на историческую практику награждений, то можно прийти к выводу: наградой может быть все (и в действительности

было почти все), что имеет особую материальную, моральную и иную ценность в данном обществе в данное время. Вот, к примеру, перечень того, что считалось государственными наградами Российской империи к 1896 г. согласно «Уставу о службе по определению от правительства»: «Жалуемые за отличия высочайшие награды суть: 1) объявление Высочайших Его Императорского Величества благодарности и благоволения; 2) чины; 3) ордена; 4) назначение аренд; 5) подарки от Высочайшего Его Императорского Величества Имени; 6) единовременные денежные выдачи; 7) звания личного и потомственного дворянства; 8) медали; 9) кафтаны; 10) зачет в действительную государственную службу времени, проведенного в частных занятиях в правительственные и общественные установлениях, а равно времени состояния на государственной службе без права на чинопроизводство; 11) предоставление прав государственной службы лицам, этими правами не пользующимся, и 12) несчитание судимости препятствием к наградам и другим преимуществам по службе» (Цит. по: [Кузнецов 2001, с. 10]). В практике награждений обычно комбинировались различные виды наград.

Награда в социологическом смысле — это специализированный социальный символ. Основные сущностные функции награды имеют социобиологическую природу и воспроизводятся в любом социуме, поскольку конституируют социальность как таковую. Все их многообразие можно свести, по нашему мнению, к трем функциям. Награда выполняет: 1) социально-интегративную функцию, или функцию включенности в данный социум и подтверждения лояльности (верности) правящей в нем власти; 2) социально-дифференцирующую функцию, или функцию фиксации достигнутого общественного статуса (места в социальной иерархии); 3) социально-коммуникативную функцию, или функцию средства общения в социуме и пропаганды социально-значимых смыслов (См.: [Малинкин 2002, с. 334—339]). В отличие от любого другого социального символа — а им может стать в силу определенных обстоятельств любая вещь — награда является не просто символом, а символом символа. Награда концентрирует в себе символический капитал, содержит потенциал социального действия, способный мобилизовать энергию как элит, так и народных масс. Если речь идет о государственной награде, то она символизирует прежде всего чувства, представления и идеи, значимые для государства, его политической идеологии и политики. Поэтому она может быть эффективным инструментом политической власти и господства, средством управления гражданами и их деятельностью.

Так как награда символизирует сложнейший комплекс социально-значимых смыслов, для выполнения функции символизации ей самой требуется отчужденная символическая форма, лишенная всякого утилитарного предназначения, — форма эстетически совершенного знака. Вот почему общее социологическое понятие награды включает в себя как основной элемент понятие наградного знака, или наградного знака отличия. Важнейшей составной частью последнего является фалероним. Когда речь заходит о награде, которую можно увидеть, взять в руки, потрогать, то чаще всего имеют в виду как раз наградные знаки отличия, а среди них в первую очередь фалеронимы — ордена, медали, кресты, звезды, значки и т. п.

Следует различать, по крайней мере, три значения общеупотребительного слова «награда»: 1) собственно награда как социальный феномен; 2) наград-

ной знак, или наградной знак отличия; 3) фалероним. Объектами исследования награды как социального феномена становятся отдельные составные элементы награды, а именно гербы, вензеля, эмблемы, символы, формы, цвета в их многообразном, но всегда индивидуализированном сочетании, которые представлены на лентах, знаменах, флагах, штандартах, наградном холодном и огнестрельном оружии, изображенные на фалеронимах (орденах, медалях, знаках отличия, орденских звездах и т. д.) или их заменителях (фрачных копиях, лентах на планках, копиях для повседневного ношения и т. п.). Между тем не меньшей социальной значимостью обладают наградные документы, церемония вручения, гражданские ритуалы и правила ношения, хранения, передачи наград.

Например, в советской наградной системе награда включала (помимо наградного знака отличия) официальные наградные акты, в большинстве своем хранящиеся в архивах. Это, в частности, Указы Президиума Верховного Совета СССР, ходатайства о награждении, представления, списки представленных к награждению, наградные листы, списки награжденных, временные удостоверения к ордену или медали¹, различные извещения, опубликованные в печати, фотографии; наградные документы, удостоверяющие факт награждения и врученные награжденному (большая грамота и малая грамота для высших степеней отличия, орденская книжка, удостоверение к медали, грамота, удостоверяющая награждение медалью); различные общественные привилегии и льготы, оговариваемые в законодательно утвержденных статутах наград (книжка купонов на право получения ежемесячных выплат к каждому ордену и одна книжка разовых билетов на право бесплатного проезда по железнодорожным и водным путям сообщения), другие документы, удостоверения, справки, подтверждающие право пользоваться общественными привилегиями и льготами (например, купоны на право бесплатного проезда в трамвае во всех городах СССР). Наиболее весомые общественные привилегии и льготы были предусмотрены для награжденных орденами, менее весомые — для награжденных медалями. Многие из них для ряда орденов были отменены указами Президиума Верховного Совета СССР, в частности указом от 10 сентября 1947 г. Последний отменял денежные выплаты по орденам и медалям СССР, право бесплатного проезда награжденных орденами СССР по железнодорожным и водным путям сообщения, право бесплатного проезда награжденных орденами и медалями в трамвае во всех городах СССР, льготный порядок оплаты награжденных орденами СССР жилой площади в домах местных Советов [Шишков, Мазуловский 2000, с. 329].

Женские награды в Российской империи

Наградная система Российской империи, основанная в начале XVIII в. Петром I, была неотъемлемой частью государственной службы. Она была тесно увязана с введенной Петром I «Табелью о рангах всех чинов воинских, статских и придворных, которые в каждом классе чинов». Этот документ лег в основу всей системы чинопроизводства и воинской службы Российской империи, хотя он

¹ Подлежащие обмену на наградные документы.

постоянно корректировался вплоть до 1917 г. Его характерной особенностью было то, что только лица определенного возраста, пола, национальности (этнической принадлежности), вероисповедания, сословия и чина могли претендовать на получение в определенной последовательности строго определенного набора государственных наград. И наоборот, пожалование той или иной государственной наградой (например, в военное время) открывало новые перспективы для карьерного роста, т. е. давало возможность претендовать на получение личного или потомственного дворянства либо более высокого чина и места в общественной иерархии.

Наградная система Российской империи функционировала как подсистема государственно-бюрократической системы. Ее главной целью было моральное и материальное стимулирование верноподданнического служения лично императору, государству и всему феодально-чиновничью общественному строю. Разумеется, защита Российского государства и его интересов в военное время преподносилась правящими дворянскими кругами как исполнение долга перед народом и обществом. Между тем такие концепты российской власти, как «православие, самодержавие, народность» (выдвинут еще в период царствования Николая I), «за Веру, Царя и Отечество!», дают представление о ранговом порядке в ценностных приоритетах официальной государственной идеологии.

Таким образом, женщины не имели в Российской империи равных прав с мужчинами на получение государственных наград, т. е. не могли претендовать на получение тех же самых наград, которые были предусмотрены для мужчин². Женщины не могли служить в войсках регулярной армии, а их возможности состоять на гражданской государственной службе были весьма ограниченны. Правда, перед женщинами открывались возможности служения на общественном поприще. Чтобы отметить и вознаградить их общественную активность, для них и учреждались специальные женские медали, знаки отличия и ордена. В этом отношении принадлежность к женскому полу ничем не отличалась от принадлежности к той или иной группе меньшинств, образуемой по возрастному, этнонациональному, конфессиональному, сословно-классовому и иному признаку. Особые награды существовали не только для женщин, но и для казаков, крестьян, мещан, купцов, фабрикантов, для разных этнических и конфессиональных групп, например, для «иноверцев», «разных азиатцев» (или просто «азиатцев»), «чукчей», «киргизских правителей» и т. д.

Наибольшие преимущества наградная система Российской империи предоставляла мужчинам, обычно в возрасте старше 25 лет, этническим русским, православным, дворянам, состоявшим на военной службе. Именно они образовывали элиту общества, являясь ценностным образцом — моделью для подражания. Представители остальных социальных групп, или меньшинств, составляли общественную периферию, стремившуюся к центру. Особенно велико было желание с помощью наград получить личное, а еще лучше потомственное дворянство. В монархическом феодальном государстве это и неудивительно — ведь только принадлежность к дворянскому сословию давала право владеть крепостными крестьянами.

² Исключения из этого правила, правда, были.

Статуты некоторых медалей, знаков отличия, орденов предъявляли к их соискателям особо строгие требования, формируя и воспроизводя элитное ядро. Например, согласно первоначальному (петровскому) статуту кавалерами ордена св. Андрея Первозванного имели возможность стать только те, кто обладал графским или княжеским титулом, званием сенатора, министра, посла и «прочими высокими достоинствами», либо генеральским или адмиральским чином. Орден могли получить также и губернаторы, которые «несколько лет, а по меньшей мере десять, оказали полезные и верные услуги». Кроме того, непременным условием был возраст не менее 25 лет, наличие состояния, необходимого для того, чтобы «важность сего события поддержать», и отсутствие у кавалера телесных недостатков [Дуров 1993]. Аналогичные требования оговаривались статутом ордена св. Екатерины.

Помимо государственных наград существовали и общественные. По нашим подсчетам, в Российской империи было 11 наиболее известных женских наград. Рассмотрим их в хронологическом порядке.

1. *Орден св. Екатерины* был учрежден Петром I 24 ноября 1714 г. после неудачного так называемого Прутского похода против турок 1711 г. Тогда русские войска, насчитывавшие 38 тыс человек, были окружены 188-тысячной турецкой армией. Полного разгрома русской армии удалось избежать только благодаря искусным дипломатическим переговорам и подкупу турецких военачальников. По преданию, жена Петра Екатерина, находившаяся вместе с ним в походе, по собственной инициативе отдала все свои драгоценности, которые она захватила с собой, для подкупа турецких послов. Правда, накануне переговоров окруженная русская армия дала туркам настолько сильный отпор, что на следующий день лучшая часть турецкой армии, янычары, отказалась снова идти на штурм русского лагеря.

Позднее, в 1713 г., в память об этом событии и в ознаменование достойного поведения Екатерины в несчастливом Прутском походе был разработан статут нового ордена. Первоначально он назывался орденом Освобождения («Свобождения») и предназначался в награду лишь одной Екатерине. 24 ноября 1714 г. в день тезоименитства Екатерины она получила эту награду из рук самого Петра. Девизом ордена стали слова «За любовь и Отечество». С момента основания ордена его главой становилась царица (позднее императрица). Орден имел две степени. Согласно первоначальному статуту ордена, кроме царицы, знаки ордена Большого креста (высшей степени) имели право носить принцессы царской (императорской) крови, «сколько есть», а также еще не более 12 других дам. Знаки Малого креста (второй степени), получившего позднее название Орден святой Великомученицы Екатерины, — могли получить не более 94 дам [Дуров 1993].

При Петре I никто, кроме Екатерины, не был удостоен этой награды. Но после его смерти, когда на престол взошла его жена, началось пожалование и других дам. В царствование Екатерины I было выдано 7 орденов, Елизаветы Петровны — 13, Екатерины II — 41. В последующие годы количество награждений росло. При Александре I орден получили 139 дам, при Николае I — 176. Во время правления Александра II высшую женскую награду Российской империи заслужили 112 дам, Александра III — 64, Николая II — 105. Всего этой наградой были пожалованы 734 высокопоставленные особы женского пола.

«Не обошлось и без курьеза, — пишет В.А. Дуров. — Дамской наградой был отмечен малолетний сын известного А.Д. Меншикова — Александр. Он получил орден 5 февраля 1727 г. за слишком застенчивый, “женский” характер и был включен в официальный список награжденных этим орденом. Известен даже его портрет, на котором А.А. Меншиков изображен со Знаками ордена святой Екатерины» [Дуров 1993].

2. *Мариинский наградной знак отличия двух степеней* был учрежден 14 октября 1828 г. «в память дня рождения в Бозе почивающей Государыни Императрицы Марии Федоровны» (жена Павла I, мать императора Николая I). Он был «установлен в награду лицам женского пола за долговременное рачительное исполнение обязанностей». В статье 639 Свода законов Российской империи говорилось: «Мариинского знака отличия беспорочной службы удостоиваются все исправляющие свою должность с непременною, соответствующей важности оной, точностью в званиях Классных Дам, Учительниц, Смотрительниц, Частных, Первых и Главных Надзирательниц, Инспекторис, Директрис и Начальниц в одном или нескольких заведений, состоящих под непосредственным покровительством в Бозе почившей Императрицы Марии Федоровны. К знаку второй степени представляются служившие в одном или нескольких из вышеуказанных званий пятнадцать лет или более до двадцати пяти. Знак первой степени получают служившие двадцать пять лет и более» [Кузнецов 2001].

Представление специальным советом к Мариинскому знаку утверждалось самим императором. Знак никогда не снимался, как орден св. Георгия или св. Владимира, и платить за него самой награждаемой не приходилось: знак жаловался императором и выдавался Капитулом бесплатно. Дозволялось также изображать его на фамильных гербах и печатях. Награжденным Мариинским знаком начислялась пенсия сверх жалованья, которая выплачивалась «по день смерти», и если награжденная была замужем, то после ее кончины «муж ея и дети пользуются сею пенсиею один год» [Чепурнов 2000].

3. Медаль «*Для сестер милосердия в Крыму*» (1854—1856) предназначалась для женщин, работавших в Крыму во время Крымской кампании с 1854 по 1856 г. по велению «Ее Императорского Величества Государыни Александры Федоровны» (жена Николая I). Награда была установлена для женщин, «которые несли службу в госпиталях или во время обороны Севастополя оказали особые услуги» [Кузнецов 2001]. Сестры милосердия получали бронзовые и серебряные медали с надписью «Крым 1854—1855—1856». Серебряными медалями награждали также за самоотверженность жен, матерей и сестер матросов, защищавших город, женщин, которые под смертельным огнем противника доставляли на бастионы воду, хлеб, патроны и снаряды. Одну такую медаль по повелению императрицы Александры Федоровны отчеканили из золота для знаменитой Даши Севастопольской (Дарья Ткач).

4. Медаль «*Для сестер Крестовоздвиженской общины в Крыму*» (1854—1856), изготавливавшаяся из бронзы и серебра, предназначалась только для награждения сестер милосердия, работавших в Крыму с 1854 по 1856 г. Она была установлена «От Ее Императорского Величества Великой Княгини Елены Павловны» (вдова великого князя Михаила Павловича, который был младшим братом императоров Александра I и Николая I) «в память милосердного служения страждущей братии». Во время Крымской кампании деятельность сестер милосердия

Крестовоздвиженской общине, которая была основана на личные средства Елены Павловны, сыграла важнейшую роль в спасении защитников Севастополя.

Община работала в Крыму под руководством Н.И. Пирогова — основоположника военно-полевой хирургии. Впервые в мировой истории сестры этой общины были посланы на театр военных действий для помощи раненым воинам. Всего действовало 9 отрядов из 120 человек во главе с сестрой-настоятельницей А.П. Стакович. За период с 1854 г. по 1 января 1856 г. при исполнении своих обязанностей умерли 17 медсестер, в том числе 10 из них — от заразных болезней. Всего в Крымской войне принимали участие более 250 сестер милосердия [Кузнецов 2001].

5. Медаль «Для сестер Крестовоздвиженской общины в Финляндии с 1854 по 1856 г.» предназначалась для сестер милосердия Крестовоздвиженской общины, которые во время Крымской кампании работали в госпиталях на территории Финляндии [Кузнецов 2001].

6. Знак отличия Красного Креста был учрежден в день подписания мирного договора с Турцией в Сан-Стефано 19 февраля 1878 г. Высшая степень знака в форме медали изготавлялась из золота, вторая — из серебра. Согласно ст. 648 «Свода Законов Российской империи» знак предназначался «...в награду особым женского пола, которые, посвятив себя попечению о раненых и больных воинах, своею деятельностью и рвением на сем поприще оказывают особенные заслуги и известны при том своими высокими нравственными качествами» [Чепурнов 2000]. Вначале знак планировался как Знак ордена св. Екатерины, который, в отличие от самого ордена св. Екатерины, должен был бы использоваться для награждения женщин из средних и низших слоев общества. Но при окончательном утверждении устава был назван Знаком отличия Красного Креста.

Такого знака были удостоены несколько сотен участниц Русско-турецкой войны 1877—1878 гг., в том числе первой степени всего 71 женщина. В этой войне принимали участие более 1000 сестер милосердия. Их называли «солдатами здоровья», потому что они разделяли с мужчинами-воинами все тяготы фронтовой жизни и часто погибали, как солдаты. Некоторые из них, такие как сестры милосердия Энгельгард, Полозова, Духонина, Юханцева, кроме знака отличия Красного Креста, были награждены «особыми серебряными медалями “За храбрость”» [Чепурнов 2000].

7. Знак Красного Креста был учрежден 28 августа 1879 г. приказом по военному ведомству № 93. Он предназначался для награждения лиц обоего пола, «...кои во время войны против турок в 1877—1878 годах принимали участие в деятельности Общества попечения о раненых и больных воинах... или личным служением или материальным содействием» [Чепурнов 2000]. Знак Красного Креста за те же заслуги и имевший такой же статут был предназначен для награждения лиц нехристианского вероисповедания: в нем вместо красного эмалевого креста, расположенного внутри овально сложенной формы, помещен многоугольник с датами «1877—1878»³ [Чепурнов 2000].

³ Изготовление для лиц нехристианского вероисповедания наград, в которых отсутствовала традиционная православная символика либо она заменялась на символику, своюственную иным конфессиям, было обычным для практики награждения в Российской империи.

8. Знак Красного Креста, учрежденный 24 июня 1899 г., вступил в действие согласно приказу военного ведомства от 1900 г. за № 97. Его полное название — Знак Российского общества Красного Креста. Он выдавался Главным управлением РОКК с разрешения покровительницы общества, императрицы, лицам обоего пола «за услуги, оказанные делу человеколюбия в период военных действий и во время общественных бедствий; за продолжительную военную деятельность РОКК в мирное время; за пожертвование не менее 5000 рублей» [Чепурнов 2000]. Знак имел форму щита с короной наверху; по краям щита кириллицей было написано: «Возлюбиши Ближняго Твоего яко Сам себе».

9. Наградной знак Елизаветинской общины сестер милосердия Российского общества Красного Креста (около 1900) предназначался для награждения лиц обоего пола за денежные пожертвования и личные труды в помощь РОКК.

10. Медаль Флоренс Найтингейл, строго говоря, не является российской наградой. Это — высшая международная награда, учрежденная Лигой Международного Красного Креста в 1912 г. Но принципиальное значение имеет то обстоятельство, что решение о присуждении этой медали Международный комитет Красного Креста принимает по предложению национальных обществ Красного Креста. Медаль учреждена в честь английской медсестры Ф. Найтингейл (1820—1910), отдавшей всю свою жизнь попечению о раненых и получившей мировую известность благодаря своей высокой духовности и милосердию. Медаль предназначена за высокую гуманность и милосердие медицинским сестрам, а также женщинам, «которые отличались в военное или мирное время своей храбростью и исключительной преданностью раненым, больным, калекам и лицам, чье здоровье было под угрозой» [Чепурнов 2000]. Награждение этой медалью производится и поныне, раз в два года 12 мая, в день рождения Ф. Найтингейл.

11. Знак отличия св. Ольги был окончательно учрежден осенью 1914 г. Николай II из трех предложенных проектов выбрал проект генерал-майора М.С. Путятиня. Этой наградой должны были жаловать «исключительно лиц женского пола, во внимание к заслугам женщин на различных поприщах государственного и общественного служения, а равно к подвигам и трудам их на пользу ближнего» [Дуров 1993]. Знак отличия имел три степени. Для получения третьей степени награждаемая должна была иметь не менее 10 лет государственной службы, второй — не менее 20 лет, высшей — не менее 30 лет. Интервал между награждениями степенями предполагался не менее 5 лет. Особый пункт статута знака отличия св. Ольги (ст. 8) предусматривал вручение знака «матерям героев, оказавших подвиги, достойные увековечения в летописях Отечества» [Дуров 1993].

Именно этот пункт и позволил сделать первое и единственное награждение знаком отличия св. Ольги. Ввиду его исключительности, оно хорошо описано в фалеристической литературе⁴. В рескрипте Николая II от 2 апреля 1916 г. на имя военного министра Д.С. Шуваева, в котором российский император жалует В.Н. Панаеву орденом святой равноапостольной княгини Ольги 2-й степени (на самом деле это был не орден, а знак отличия) и пожизненной ежегодной

⁴ Говоря об исключительности, мы имеем в виду факт награждения. Случай же, когда в боях Первой мировой войны геройски погибли несколько сынов одной матери, не единственный. Дуров описывает аналогичные случаи с тремя братьями Ставскими, шестью братьями Завистовскими [Дуров 1993].

пенсией в 3000 рублей, есть такие слова: «Братья Панаевы, проникнутые глубоким сознанием святости данной им присяги, бесстрашно исполнили свой долг до конца и отдали жизнь за Царя и Родину. Все три брата награждены орденом св. Георгия 4-й степени, и их смерть в открытом бою является завидным уделом воинов, ставших грудью на защиту Меня и Отечества. Такое правильное понимание своего долга братьями Панаевыми всецело отношу к их матери, воспитавшей своих сыновей в духе беззаветной любви и преданности Престолу и Родине» [Кузнецов 2001].

Анализ предпринятого нами описания женских наград Российской империи позволяет сделать вывод о том, что женщине как гражданке российского государства отводилась скромная, но совершенно определенная роль. В женщинах мужчины видели прежде всего верную помощницу, способную оказать им содействие в трудную минуту; неутомимую социальную работницу (в мирное время); самоотверженную сестру милосердия (в военное время); наконец, мать-патриотку, которая воспитала сыновей-героев, готовых отдать жизнь за веру, царя и отчество (тенденция, наметившаяся в начале XX в.).

Участие женщин (включая жен императоров) было максимально ограничено либо вообще исключено из тех сфер государственной и общественной жизни, в которых принимались решения или предпринимались действия, ведущие к смерти, убийству, ранению людей, лишению и ограничению их свободы. И наоборот, участие женщин было максимально расширено либо вообще считалось специфически женским в тех сферах социального бытия, в которых принимались решения или предпринимались действия, направленные на сохранение, воспроизведение и преумножение человеческой жизни. Женщина как хранительница жизни: мать, сестра, воспитательница, жена, помощница — вот доминирующий ценностный образец-модель женщины, лежащий в основе наградной системы и практики награждений в Российской империи.

Сказанное не позволяет однозначно негативно оценивать неравенство прав мужчин и женщин, существовавшее в российском монархическом феодально-бюрократическом государстве и отразившееся в его наградной системе. На наш взгляд, обвинения династии Романовых в «дискриминации по половому признаку» и «мужском шовинизме» были бы некорректным анахронизмом, т. е. произвольным переносом ценностей и норм одной культурно-исторической эпохи на ценности и нормы другой. С научной точки зрения, к наградной системе (как и общественной) правомерно предъявлять только такие требования, которые социологически совместимы с базовыми принципами самой этой системы. Блок женских наград внутри наградной системы Российской империи вполне соответствовал сложившемуся в России патриархальному традиционистскому укладу жизни. Отсутствие в наградном праве царской России равенства полов и «дискриминация по полу» (а тем более «мужской шовинизм») не одно и то же.

Понятия «дискриминация по полу», «мужской шовинизм» суть продукты новейшей социокультурной истории развитых индустриальных стран Запада. Их специфическим смысловым отличием от «неравенства полов», скажем, XVIII и XIX вв., является обратная негативная реакция мужчин на стремление женщин к равноправию, которая может выражаться в форме страха, обиды, зависти,

мести и даже ресентимента⁵. Конечно, отдельные индивидуальные случаи таких проявлений сексизма были всегда и везде. Однако на уровне социальной психологии, а тем более господствовавшей идеологии в Российской империи ничего подобного не было. Наградная система любого государства всегда отражает и пропагандирует господствующую идеологию.

Но даже если признать, что элементы «дискриминации по полу» и «мужского шовинизма» в наградной системе царской России все же имели место, то для критики этих явлений едва ли найдутся достаточные идеальные основания. Ведь в конечном счете такая критика всегда апеллирует к гуманности и уличает в преступлении против нее в форме жестокого обращения. Трудно говорить о жестокости или негуманности применительно к женским наградам Российской империи. Скорее, наоборот, они почти все апеллируют к подлинному христианскому человеколюбию, к верности, милосердию, доброте, долгу, служению высоким идеалам, к деятельности помощи больным, убогим, раненым, бедным. Не будет преувеличением сказать, что женские награды царской России стимулировали в женщинах развитие высших нравственных добродетелей.

Правда, такая оценка не означает романтической идеализации Российской империи, которая (как и все тогдашние империи) постоянно вела войны за новые территории, расширение сферы влияния и господство в мире, рынки сырья и сбыта. Женщину как хранительницу домашнего очага и жизни держали по Домострою в семье, оберегая от мужских кровавых баталий и грязных политических интриг, но делалось это путем ограничения ее гражданских прав и возможностей свободного самоутверждения. Крах царизма и приход к власти большевиков — очевидные свидетельства глубокого кризиса российского государства и гражданского общества в начале XX в. Они оказались не способны адекватно и гибко реагировать на ускорение внутренних социальных изменений, в том числе на рост гражданской активности женщин и влияния различных меньшинств на политические процессы в обществе. В результате в России произошел революционный переворот.

Женские награды Советского Союза

В наградной системе советской России и СССР женщины были уравнены в правах с мужчинами. *De jure* это означало, что женщины могли претендовать на получение тех же самых наград, на которые претендовали и мужчины. Однако *de facto* традиционно существовали так называемые мужские и женские профессии, что существенно расширяло возможности получить определенный круг наград для мужчин и соответственно значительно ограничивало эти возможности для женщин. Кроме того, мужчины занимали почти все высшие позиции в большинстве профессий.

Как известно, среди генеральных секретарей ЦК КПСС, председателей Совета Министров СССР, крупных советских военачальников нет ни одной жен-

⁵ В последнем случае дело может дойти не только до женоненавистничества, но и смены половой ориентации. О понятии «ресентимент» см.: [Малинкин 1997; Шелер 1999].

щины, среди партийных, хозяйственных руководителей и офицеров среднего звена их число также невелико. Индустриализация, коллективизация сельского хозяйства и культурная революция, осуществлявшиеся под руководством большевиков, совершили насильственные революционные преобразования в российском обществе, возник новый социальный порядок. Однако традиционный российский уклад жизни, прежде всего монархические и патерналистские традиции, скоро начали возрождаться в новом, «социалистическом», обличье. Ведь между наградной системой, предоставляемой ею формальной (законно-нормативной) возможностью быть награжденной, с одной стороны, и фактическим доступом в элиту — к высшим позициям в обществе, а стало быть, реальной возможностью быть награжденной — с другой, никакой необходимой связи и никакого автоматизма не существует. Все решали люди и чаще всего мужчины.

Правда, введение юридического равноправия привело к тому, что уже с конца 1917 г. женщины начали осваивать низовые и средние уровни профессий, которые в Российской империи считались традиционно мужскими. Это относилось прежде всего к военным специальностям. Более того, декретами и постановлениями советского правительства проводилась принудительная мобилизация женщин-врачей и студенток медицинских вузов (уклонение от которой наказывалось вплоть до применения жестких мер через ВЧК и военные трибуналы), расширялся сам профиль участия женщин на фронтах Гражданской войны: женщины были не только сестрами милосердия, но и пулеметчицами, связистками, политбойцами и т. д. Часть женщин шли в Красную Армию добровольно, немало женщин-коммунисток занимали высокие политические должности в дивизиях и армиях. Все население страны разделилось в годы Гражданской войны на «красных» и «белых», и женщины проявили самоотверженность по обе стороны баррикад.

В 1930—1940-х годах, когда вся страна жила в ожидании войны и готовилась к ней, свыше 250 женщин оканчивали различные военные академии, значительно больше — военные училища, становясь кадровыми военными. Десятки тысяч женщин овладевали военными знаниями на фабриках и заводах по линии Осоавиахима; изучали стрелковое, бронетанковое, авиаадело в различных кружках, клубах, школах. Как справедливо отмечает Ю.Н. Иванова, привлечения женщин в таких масштабах к военному обучению, в том числе и в специальных военных учебных заведениях, столь массового поступления женщин на профессиональную военную службу в истории России никогда не было [Иванова 2002].

Наибольшее число женщин-военнослужащих приходится на период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. — 800 тыс. Для сравнения: в Гражданской войне (1917—1922) участвовало свыше 60 тыс. женщин, в Первой мировой (1914—1918) — свыше 25 тыс., в Русско-японской (1904—1905) — свыше 3 тыс., в Русско-турецкой (1877—1878) — свыше 1,5 тыс., в Крымской — свыше 200 женщин [Иванова 2002]. «Ничего подобного русская армия не знала на протяжении всего своего существования. В это время было создано 3 специальных женских авиационных полка из летчиц, прошедших в основной своей массе предвоенную учебу в аэроклубах, Осоавиахиме, школах, кружках и т. п.» [Иванова 2002]. Медицинскими сестрами служили исключительно женщины, они же составляли почти половину фронтовых врачей. Женщины сражались пулеметчицами, танкистами, снайперами, шоферами; командовали расчетами, взводами,

ротами, полками. Особенно велика доля участия советских женщин в партизанских отрядах. Не было такой военной специальности, которой не овладели бы женщины во время Великой Отечественной войны, считает Ю.Н. Иванова⁶. За мужество, самоотверженность, героизм, проявленные на полях сражений, 150 тыс. женщин были награждены орденами и медалями.

Что касается гражданских профессий и специальностей, то в некоторых из них женщины даже потеснили мужчин. Так, в послевоенный период отечественной истории такие ранее мужские профессии, как воспитатель в детском доме, учитель в школе, врач, судья, народный заседатель, бухгалтер, инженер, кондуктор и многие другие, стали преимущественно женскими. Во второй половине XX в. границы между мужскими и женскими профессиями постепенно стали стираться. Эти социальные изменения, заслуживающие, разумеется, отдельных исследований, совершенно адекватно отразились в практике награждений в СССР: у многих советских женщин, особенно в мирное время, наград было не меньше, чем у мужчин.

На фоне такого триумфального торжества в формальном равенстве полов, которое демонстрирует советская наградная система, выделяется Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. № 118/11 «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилиях охраны материнства и детства, об установлении почетного звания “Мать-героиня” и учреждении ордена “Материнская слава” и медали “Медаль материнства”». Звание «Мать-героиня» стало наряду со званиями Героя Советского Союза и Героя Социалистического Труда, высшей степенью отличия в СССР⁷.

Звание «Мать-героиня» присваивалось матерям, родившим и воспитавшим 10 детей. Присвоение звания производилось по достижении последним ребенком возраста 1 года и при наличии в живых остальных детей матери. Так, без особых сантиментов, формулируется в статуте целевое предназначение этой высшей степени отличия. Вторичное присвоение звания и награждение орденом «Мать-героиня» статутом ордена не предусматривалось. Однако при присвоении звания учитывались, кроме того, «дети: усыновленные матерью в установленном законом порядке; погибшие или пропавшие без вести при защите СССР или при исполнении иных обязанностей военной службы либо при выполнении долга гражданина СССР по спасению человеческой жизни, по охране социалистической собственности и социалистического правопорядка, а также умершие вследствие ранения, контузии,увечья или заболевания, полученных при указанных обстоятельствах, либо вследствие трудового увечья или профессионального заболевания» [Сборник... 1987].

«Инструкция о порядке представления многодетных матерей к присвоению высшей степени отличия — звания “Мать-героиня” и награждению орденами “Материнская слава” и медалями “Медаль материнства” и вручения

⁶ Свое мнение Иванова наглядно подкрепляет таблицей «Динамика роста количества воинских специальностей, освоенных женщинами (XIX—XX вв.)», где приводит шесть перечней с названиями «женских» специальностей, официально принятых во время шести указанных выше войн.

⁷ Высшими степенями отличия были также звания «Город-герой» и «Крепость-герой».

наград» от 4 января 1982 г. оговаривала и такую немаловажную деталь, как рождение близнецов: «В случае рождения близнецов многодетная мать представляется к награждению только одной наградой, соответствующей общему числу рожденных и воспитанных ею детей» [Сборник... 1987]. По этой инструкции, справки, подтверждавшие наличие детей, считались действительными в течение года, а учет в специальном журнале по единой форме многодетных матерей, подлежащих награждению, возлагался на отделы социального обеспечения исполнительных комитетов городских, районных, окружных Советов народных депутатов.

Несмотря на то что звание было учреждено вместе с орденским знаком еще в военное время, большая часть награждений им приходится на мирное время. Так, по номерам отдельных наград, время выдачи которых установлено точно, можно составить представление о хронологии награждений орденским знаком звания «Мать-героиня» и о числе награжденных к этому моменту времени: 1944 г. — № 1—124; 1947 г. — № 21 547; 1950 г. — № 31 692; 1961 г. — № 66 126; 1966 г. — № 88 136; 1983 г. — св. 371 000; 1989 г. — № 429 609; к 1991 г. — около 500 000 [Шишков, Музалевский 2000. Т. 1].

Официальное приравнивание матери, имеющей 10 и более детей, к «героине» было фактическим признанием крайне тяжелыми условий для рождения и воспитания детей в СССР после Великой Отечественной войны до середины 1970-х годов. Причем если в царское время поощрялась мать героя, то в советское признавалось детопроизводство как таковое. В конце 1970-х — начале 1980-х годов число награждений стало расти, как снежный ком, в основном за счет среднеазиатских союзных республик. Уже в те годы статут награды надо было, наверное, менять, так как ее престиж и ценность начали снижаться. Культ героического, распространенный на понятия «мать» и «материнство», имел вполне понятное социально-демографическое объяснение. «Женский» блок, традиционно присутствующий в наградных системах многих стран, в наградной системе СССР трансформировался в специально выделенный «материнский», чтобы стать инструментом социальной политики в области рождаемости. Государству было необходимо восполнить людские потери, в основном мужские, понесенные в годы Великой Отечественной войны.

Орден «Мать-героиня» увенчивал блок наград за многодетность и воспитание детей. На первых подступах к нему находились медаль материнства двух степеней (соответственно за 5 и 6 детей) и орден «Материнская слава» трех степеней (соответственно за 7, 8 и 9 детей). Большая часть награждений ими также приходится на мирное время. О хронологии и количестве награждений орденом «Материнская слава» дают представление следующие данные: III степень: 1944 г. — № 1—27; 1945 г. — № 73—100 348; к 1.01.1983 — 2 786 000 награждений; II степень: 1944 г. — № 1—26, 1945 г. — № 35—10 522; 1946 г. — № 74 807; 1977 г. — № 1 278 973; к 1.01.1983 — 1 508 000 награждений; I степень: 1944 г. — № 1—21; 1945 г. — № 32—179; 1980 г. — № 687 795; к 1.01.1983 — свыше 753 000 награждений [Шишков, Музалевский 2000. Т. 1].

Отметим необычность применения термина «слава» по отношению к материнским достижениям. Название ордена ставило его в ассоциативный ряд с военным орденом Славы (8.11.1943) трех степеней для награждения рядового и сержантского состава частей Красной (Советской) армии «за славные подвиги

храбрости, мужества и бесстрашия». Позднее этот ряд получил смысловое логическое завершение с учреждением гражданского ордена «Трудовой славы» (18.01.1974) трех степеней для рабочих и мастеров народного хозяйства «за самоотверженный высокопроизводительный долголетний труд на одном предприятии, в учреждении, организации, колхозе или совхозе».

На этом смысловые связи, важные с социологической точки зрения, не заканчиваются: учреждение третьей, высшей, степени отличия граждан СССР — звания «Мать-героиня» приравнивало его обладательниц по общественному престижу к обладателям званий «Герой Советского Союза» и «Герой Социалистического Труда». На первый взгляд, приданье знаку звания «Мать-героиня» орденского статуса даже ставило их в некое привилегированное положение. Орден «Мать-героиня» в отличие от медалей «Золотая Звезда» и «Серп и Молот»⁸, казалось бы, символизировал более высокую социальную значимость дела рождения и воспитания большого числа детей, чем героизм в бою и труде. Однако при ближайшем рассмотрении все оказывается сложней.

Статут высшей степени отличия «Мать-героиня» не предусматривал награждения женщин высшей наградой СССР — орденом Ленина. Правда, матерям, удостоенным этого звания, как Героям Советского Союза и Героям Социалистического Труда вручалась грамота Президиума Верховного Совета СССР. К тому же по «Правилам ношения орденов и медалей СССР...» от 1980 г. знак ордена «Мать-героиня» должен был прикрепляться к одежде левее медали «Золотая Звезда» и медали «Серп и Молот», если таковыми советская гражданка была награждена. Наконец, награжденные медалями и орденами за многодетное материнство оказывались в особом, если не сказать исключительном, положении еще и потому, что для женских наград СССР законодательно не были предусмотрены ленты.

У всех женских наград СССР были особые металлические колодки в виде банта, покрытые белой и голубой эмалью так, что они имитировали ленты. Только колодка орденского знака «Мать-героиня», сделанная также в виде банта, была покрыта красной эмалью, и именно по ней (а не на самом знаке, как на всех остальных орденах и медалях СССР) шла позолоченная надпись «мать-героиня». С такими колодками женские награды СССР выглядели, конечно, эффектно. Колодки становились органической частью самого наградного знака, который смотрелся, как красивая брошь. Однако отсутствие собственных лент у женских орденов и медалей имело и обратную сторону: оно означало также отсутствие лент на планках, удобных для повседневного ношения. «Орден “Мать-героиня”, орден “Материнская слава” 1, 2 и 3-й степени и “Медаль материнства” лент на планках не имеют», — гласит пункт 6 «Правил ношения орденов и медалей СССР, орденских лент и лент медалей на планках и других знаков отличия», принятых Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 марта 1980 г. [Кузнецов 2001].

Таким образом, нет оснований считать, что приданье знаку особого отличия звания «Мать-героиня» орденского статуса ставило награжденных им советс-

⁸ Знаки званий «Герой Советского Союза» и «Герой Социалистического Труда» — медали в форме пятиконечной звезды.

ких женщин в более привилегированное положение, чем то, что было у героев труда и войны. Такой вывод подтверждает и текстологический анализ преамбулы к «Общему положению об орденах, медалях и почетных званиях СССР» [Сборник... 1987]. В нем *implicite* содержится политico-идеологическая система ценностей, которая положена в основание официальной классификации орденов и медалей СССР от 1979 г. Анализ преамбулы показывает, что высшее место в иерархическом порядке ценностей занимает трудовая деятельность, точнее говоря «общественно полезный труд». На втором месте — «защита социалистического Отечества», на третьем — «забота о воспитании подрастающего поколения». Примерно в таком же порядке эти сферы деятельности советских людей перечисляются в тексте «Общего положения...». Этот порядок структурно соответствовал доктрина марксистско-ленинской идеологии, и в тексте столь важного идеологического документа ни в коем случае не мог быть произвольным.

Согласно марксистско-ленинскому учению безусловный приоритет принадлежит производству средств производства («бытие определяет сознание»). Социалистический способ производства требует, с одной стороны, прямой военной защиты («революция ничего не стоит, если она не может себя защитить»), а с другой — косвенной, т. е. наличия основной производительной силы, определенным образом воспитанного человека («воспитатель сам должен быть воспитан»). Но без людских ресурсов ни производство, ни защита социалистического способа производства невозможны. Поэтому «производство самого человека» (К. Маркс), его рождение и воспитание, замыкало, согласно марксизму-ленинизму, единство базисных ценностей общества. Правда, выявленный нами иерархический порядок сфер деятельности советских граждан, за заслуги в которых они могли претендовать на получение государственных наград СССР, является прежде всего идеально-типической схемой. Но именно такая схема легла в основу официальной классификации орденов и медалей СССР от 1979 г.

Как бы то ни было, многодетность в СССР означала геройский подвиг, требующий от женщины самоотверженности, мобилизации всех жизненных сил. За это многодетная мать удостаивалась высшей степени отличия СССР, имела определенные экономические и социальные льготы, пользовалась почетом и уважением сограждан. На наш взгляд, нет оснований утверждать, будто наградная система СССР дискриминировала женщин. Если факты дискриминации и имели место в действительности, то виной тому было не наградное право, а его применение. То, чего женщины не имели в Российской империи, — права служить и делать карьеру в государственных гражданских учреждениях, получать государственные гражданские и военные награды на равных с мужчинами основаниях, нести (хотя и в очень ограниченных сферах и нишах) воинскую службу в мирное и военное время, — все это женщины получили в обществе, строящем коммунизм.

Что же касается доступа советских женщин к высшим позициям в государстве, то по большей части эта проблема осталась нерешенной. Осталась она и в РФ. Но следует ли ее пытаться решать с помощью права, например, вводить квоты, это еще вопрос. Практика квотирования в развитых индустриальных странах дает неоднозначные результаты. Элиты функционируют и меняются по собственным законам, а не по законам государства, которые они сами же и создают.

По сравнению с дискурсом о женских наградах царской России дискурс о женских наградах в советский период перемещает нас в иное социокультурное измерение и в совершенно другую социально-историческую эпоху. На наш взгляд, правящие круги Советского Союза зашли в женской эмансипации настолько далеко, что юридическое и, в значительной мере, фактическое равноправие советских женщин и мужчин на фоне тотального огосударствления общественной жизни в действительности обернулись для женщин противоположной крайностью. Гражданки СССР, которые стали не только класть рельсы и асфальт, ложиться костями в битвах за урожай, за выполнение плана, но и погибать в кровавых войнах, стали еще более послушным, чем мужчины, орудием политico-идеологического манипулирования со стороны правящих классов.

Социально-классовая зависть, религиозный индифферентизм, а подчас и воинствующий атеизм, характерные и для советских женщин так же, как и для мужчин, не способствовали смягчению их нрава, воспитанию подлинного человеческого милосердия и милосердия. Все это привело к дистанцированию и отчасти отчуждению большого числа женщин, особенно русских, от семьи и домашнего очага, от воспитания собственных детей и развлечений. В результате вследствие прямого заимствования через подражание мужскому стилю поведения советская женщина отчасти утратила то, что называется женственностью. Это было, конечно, не ее виной, а ее бедой, поскольку всеобщая пролетаризация образа жизни и падения нравов после 1917 г. сделали законодателями мод в том, что касается стиля поведения, булгаковских Шариковых.

Многие советские женщины, как и мужчины, были искренне увлечены тем героическим порывом к светлому будущему, который стимулировала советская наградная система. В ней мы находим культ героического, продиктованный политико-идеологическими мотивами; одним из них было воспроизведение социального неравенства [Taylor, 1987]. Описанию и анализу культа героического в советской наградной системе мы посвятили отдельное исследование [Малинкин 2002].

Здесь следует отметить лишь то, что женские награды СССР являются подсистемой советской наградной системы, где культ героического нашел совершенно явное выражение. Вместе с тем они стоят особняком по отношению ко всем остальным советским наградам, потому что их учреждение, как ни странно, означало формальную дискриминацию мужчин по половому признаку. Блок советских женских наград нарушал принцип равноправия полов, так как мужчины не могли на равных с женщинами основаниях претендовать на их получение. Однако советские власти, загнавшие женщину в своеобразный социокультурный тупик, были вынуждены апеллировать уже не к христианской любви, а к идентности женщин, т. е. к их гражданско-патриотической сознательности. Фактически эта была апелляция на социобиологическом, или популяционном, уровне.

Женские награды СССР на фоне других наград, формально одинаково доступных для мужчин и женщин, стимулируют в женщине развитие одного из ее главных природных задатков. Вряд ли можно однозначно положительно оценить тот факт, что учредители высшей женской награды СССР видели в женщине не столько человечески-родовое, сколько специфически-половое начало. Звание «Мать-героиня» апеллирует не к высшим устремлениям инди-

видуального человеческого духа, присущим женщине так же, как и мужчине (хотя, возможно, по-разному), а к общечеловеческим инстинктивным влечениям. Последние, если их принять за ценностный образец-модель, усредняют, во-первых, всех людей в их родовой сущности, во-вторых, всех женщин в их половой природе. Возможно, это и есть гуманизм в его атеистическом толковании, но, с нашей точки зрения, это профанация идеи человека.

Заключение

Как ни парадоксально, наградная система СССР в отличие от консервативной феодально-аристократической и государственно-бюрократизированной наградной системы Российской империи была более либеральной и демократической. Учреждение в СССР женских наград, героизирующих материнство, было вынужденной мерой, вызванной последствиями Великой Отечественной войны. Формально это нарушало принцип равноправия полов, потому что мужчины в отличие от женщин не могли получить женские награды за многодетное материнство. Однако введенная *de jure* социальная дискриминация мужчин *de facto* означала создание социально-моральных стимулов для более интенсивной эксплуатации детородной функции женского организма. Хотя учреждение специального женского наградного блока и героизация материнства едва ли содействовали освобождению, или эмансипации, советских женщин, оно реально (в том числе благодаря ощутимым льготам) повышало престиж многодетных матерей в обществе, а стало быть, их честь и достоинство.

Но можно говорить и о противоположно направленной тенденции девальвации чести и достоинства многодетных матерей. Героический дух многодетного материнства носил в СССР идеологизированный характер «тотальной мобилизации», с 1944 по 1953 г. явно выраженный, с 1953 г. проявлявшийся все менее явно. В тоталитарной перспективе советская женщина представляла как универсальная работница, имевшая, кроме того, особую трудовую задачу, — воспроизведение главной производительной силы, рождение и воспитание советского человека. Прогресс в равноправии полов, достигнутый в наградной системе СССР, обернулся регрессом в социально-этическом содержании ее специальных женских наград по сравнению с преобладающим этосом женских наград Российской империи. Если вообще существует такое явление, как прогресс, и это хорошо, то для кого именно хорошо?

Литература

- Дуров В.А. Ордена России. М.: Воскресенье, 1993.
Иванова Ю.Н. Храбрейшие из прекрасных: Женщины России в войнах. М.: Российская политическая энциклопедия РОССПЭН, 2002.
Кузнецов А.А. Энциклопедия русских наград. М.: Голос Пресс, 2001.
Малинкин А.Н. Учение Макса Шелера о ресентименте и его значение для социологии // Социологический журнал. 1997. № 4.

- Малинкин А.Н. Культ героического в наградах СССР. Исследование по социологии наградного дела // Отечественные записки. 2002. № 8.
- Сборник законодательных актов о государственных наградах СССР. М.: Изд-во «Известия», 1987.
- Сорокин П. Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. СПб.: РХГИ, 1999.
- Чепурнов Н.И. Наградные медали Государства Российского. М.: Русский міръ, 2000.
- Шелер М. Ресентимент в структуре моралей / Пер. с нем. А.Н. Малинкина. СПб.: Университетская книга, 1999.
- Шишков С.С., Музалевский М.В. Ордена и медали СССР: Справочник. Т. 1. Ордена СССР. Владивосток: Изд-во «ВОРОН», 2000.
- Шишков С.С., Музалевский М.В. Ордена и медали СССР: Справочник. Т. 2. Медали СССР. Владивосток: Изд-во «ВОРОН», 2000.
- Taylor P.A. The Celebration of Heroes under Communism: On Honors and the Reproduction of Inequality // American Sociological Review. 1987. Vol. 52. № 2.